

Оригинал здесь -- <http://smalt.karelia.ru/~filolog/grazh/1873/14mayN20.htm>

ЗАМѢТКИ О ТЕКУЩЕЙ ЛИТЕРАТУРѢ {*}.

{* См. "Гражданинъ" NoNo 15-16, 18, 19.}

IX.

Проповѣдь европейскаго просвѣщенія -- вотъ главная и общая задача нашей журналистики. Казалось бы -- какая ясная, прямая цѣль, какой благодарный, общающій всякіе успѣхи трудъ! Намъ говорятъ, что Европа богата умомъ, опытомъ, дѣятельностію, что въ ней живутъ и зрѣютъ великія мысли; значить, стоитъ только черпать изъ этого источника, стоитъ только разъ обратиться къ нему всею душою, и мы должны быть вѣчно богаты идеями, и наши журналы должны быть полны живѣйшаго интереса. А между тѣмъ они ужасно скучны, и наши проповѣдники Европы сами тоскуютъ, сами ничѣмъ не воодушевлены.

Причина въ томъ, что такъ просто это дѣло не дѣлается. Бѣда въ томъ, что у насъ уже кое-что сложилось, уже образовались въ литературѣ свои теченія, и слѣдовательно европейская умственная жизнь у насъ отражается по своему и ея интересы никакъ не дѣлаются *прямо* нашими интересами. Въ Парижѣ, напри^мѣръ, выходитъ брошюрка Александра Дюма-сына, "L'homme-femme"; подымается величайшій шумъ и пишутся безчисленныя статьи; а мы молчимъ и едважимаемъ плечами. За то мы откопаемъ иногда книжку, имѣвшую въ Европѣ незначительный успѣхъ, и усердно возимся съ нею. Точно такъ иныя знаменитости, напри^мѣръ Гейне, Бокль и т. п. у насъ пользуются гораздо большею славой, чѣмъ въ своемъ отечествѣ.

Вопросъ о томъ, какъ Европа отражается у насъ -- вопросъ очень любопытный. Нелѣпо думать, что всякое ея отраженіе хорошо, что чѣмъ сильнѣе это вліяніе, тѣмъ для насъ лучше. Нѣтъ, самыя благотворныя идеи могутъ на дурной почвѣ приносить плоды уродливые и даже ядовитые. И точно также нелѣпо воображать, что уродливыя отраженія сами собою сгладятся, что чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ больше мы сближаемся съ настоящею жизнью Европы, тѣмъ яснѣе и правильнѣе будемъ ее понимать и ей сочувствовать. Нѣтъ, мы по неволѣ будемъ всегда смотрѣть со стороны, какъ чужіе, и чѣмъ больше будетъ развиваться наша собственная литература со своими преданіями, предразсудками, спорными вопросами, тѣмъ больше будемъ отстраняться отъ Европы. Такъ школьникъ по мѣрѣ возраста оказывается или тупымъ и буйнымъ, или даровитымъ и своеобразнымъ, но въ томъ и въ другомъ случаѣ одинаково уходитъ изъ-подъ вліянія учителя.

И такъ пусть не обманываются наши западники; волею или неволею они сами портятъ то дѣло, которому такъ усердно служатъ; чѣмъ горячѣе они дѣйствуютъ, чѣмъ упорнѣе проповѣдуютъ то или другое начало, *выхваченное* изъ европейской жизни, тѣмъ сильнѣе они расшатываютъ у насъ страшный колосъ европейскаго авторитета. Переживши кое-что изъ этихъ началъ на самихъ себѣ, на своей кожѣ, мы уже не смотримъ на нихъ съ прежнимъ благоговѣніемъ, мы уже осмѣливаемся судить учителя, становимся разборчивыми и дерзкими, хотимъ имѣть свое мнѣніе, словомъ, съ каждымъ годомъ выходимъ изъ роли ученика.

Но большею частію мы, конечно, оказываемся непонятливыми и тупыми. Массу публики нельзя считать за толпу проникательныхъ и даровитыхъ учениковъ, да точно также и массу пишущихъ. Поэтому получается самый плачевный результатъ: -- мы учимся, не понимая хорошенько того, чему насъ учатъ, и благоговѣемъ по привычкѣ, по рутинѣ, не зная за чтò и передъ кѣмъ. Извѣстно, что если въ школѣ силенъ авторитетъ учителя, то масса учениковъ смотритъ съ презрѣніемъ не только на лѣнивцевъ, но и на тѣхъ, кто рѣшается беспокоить учителя вопросами и не соглашаться съ нимъ. Такъ дѣло идетъ и у насъ. По мѣрѣ расширения европейской проповѣди, масса посредственностей, которыя ее принимаютъ, растетъ все быстрѣе и быстрѣе, и эта-то масса господствуетъ и въ журналистикѣ и въ публикѣ. Крайніе выводы, трудные вопросы, послѣдовательное развитіе началъ -- для этихъ людей невозможны, и потому авторитетъ Европы для нихъ имѣетъ неизмѣнную, ненарушимую силу. Отъ этого выходитъ наконецъ, что мы перестаемъ понимать нашего учителя. Учитель измѣнился въ лицѣ, учитель спутался, учитель испытываетъ волненіе и страхъ, а мы по прежнему слушаемъ раскрывши ротъ, ничего не замѣчаемъ отъ избытка благоговѣнія, и готовы сердито прихлопнуть товарища, который замѣтилъ, чтò дѣлается съ нашимъ авторитетомъ.